

Ань Чанцин озадачился еще сильнее: какое отношение все эти небылицы, гуляющие по городским улицам, имеют к их разговору?

Сяо Чжигэ легким движением погладил его нежную мочку уха и пояснил:

— Раз уж речь идет о небожителях, то что удивительного в том, что с помощью магии родились двое детей? К тому же, если в будущем я взойду на престол, то стану истинным Сыном Неба — Драконом. А-Хэн и Чжу-эр будут плотью и кровью Дракона и небожителя, небесным благословением для Да Е. Кто посмеет поставить это под сомнение?

Он произнес это настолько уверенно и веско, будто ни капли не сомневался в собственной правоте.

Ань Чанцин изумленно приоткрыл рот и обернулся, пристально разглядывая мужа. Он и подумать не мог, что грозный и величественный Бэйчжань-ван обладает даром сочинять подобные сказки!

Впрочем, возразить ему сразу Ань Чанцин не нашелся и лишь запнулся:

— Но... но ты ведь еще не стал императором! Если... если во дворце спросят, что ты ответишь? Да и кто вообще поверит в такую вздорную историю?

— С расспросами из дворца я разберусь сам. А если спросит кто-то другой, просто молчи. Что же до того, поверит ли кто-то... — Сяо Чжигэ едва заметно усмехнулся. — Когда слух подхватят тысячи ртов, он сам собой станет правдой.

Ань Чанцин поначалу сомневался, но, размыслив над его словами, понял, что замысел и впрямь может сработать. В случае успеха это даже избавит их от множества проблем в будущем. Отбросив колебания, он подался вперед, с просветлевшим лицом оперся о руку Сяо Чжигэ и нетерпеливо спросил:

— И что нам нужно сделать, чтобы поверило как можно больше людей?

— Но-но хочет знать? — Сяо Чжигэ намеренно решил потянуть время. Он не стал отвечать сразу, а лишь глубоко и пристально поглядел на него.

Ань Чанцин поспешно кивнул.

Сяо Чжигэ с улыбкой склонился к его уху, прошептал несколько слов и подытожил:

— ...Согласишься — и я тебе скажу.

— ... — Щека Ань Чанцина коснулся яркий румянец. Забегав глазами, он мысленно замялся. Чем дольше они жили вместе, тем более развязным становился этот мужчина. Он уже далеко не так легко поддавался на уговоры, как прежде, и все чаще предъявлял требования, от которых бросало в краску.

Пометавшись между смущением и любопытством, Ань Чанцин в конце концов уступил последнему. Прикусив щеку изнутри, он буркнул:

— Сначала скажи.

Увидев, что тот согласился, Сяо Чжигэ усмехнулся и не стал больше томить:

— Книжная лавка «Чэннань» сейчас находится под моим контролем.

В Ецзине хватало книжных лавок, но «Чэннань» входила в тройку самых крупных. Помимо продажи и печати книг, при ней содержалась целая артель ученых-книжников, писавших популярные бульварные повести на продажу. Поскольку там регулярно выходили свежие и необычные истории, дела лавки шли весьма успешно. Более того, многие романтические повести о Бэйчжань-ване и его супруге, ходившие ныне по Ецзину, вышли как раз из книжной лавки «Чэннань».

Кроме того, благодаря щедрой оплате туда постоянно приходили бедные книжники — переписывать фолианты или сочинять повести. Лавка использовала их для сбора самых разных слухов, а при необходимости могла тайком направлять их мнения в нужное русло.

Если уж на то пошло, из той дурной славы, что годами тянулась за Бэйчжань-ваном по Ецзину, шесть десятых было заслугой дворцовых завистников, а остальные четыре — делом рук его собственных людей.

Имея в руках книжную лавку «Чэннань», можно было не сомневаться: простой люд поверит всему.

Раз Сяо Чжигэ дал Ань Чанцину обещание, он, разумеется, подготовил все до мелочей. Вот только князь никак не ожидал, что, дослушав, Ань Чанцин погрузится в молчание и даже сузит глаза, мрачно уставившись на него.

«???» — Сяо Чжигэ озадаченно посмотрел на него в ответ.

Ань Чанцин натянуто усмехнулся:

— Стало быть, те романтические повести написаны по приказу князя?

У Сяо Чжигэ дернулось веко. Опомившись, он почувствовал, как сердце ушло в пятки от неловкости. Впрочем, лицо его сохраняло привычную невозмутимость, так что смущения почти не было видно. Легко кашлянув, он попытался оправдаться:

— Изначально лавка приобреталась для сбора сведений. А мои люди, чтобы прокормиться, занялись делом на совесть. Я сам особо не вмешивался.

— Да без твоего дозволения разве дерзнули бы они сочинять небылицы о собственном господине? — Ань Чанцин не поверил ни единому слову и лишь холодно усмехнулся.

Сяо Чжигэ мигом растерял всю спесь. Поглядывая на его выражение лица, он прокашлялся и продолжил:

— В других лавках тоже о нас пишут, не мог же я запретить своим... Им ведь тоже нужно на что-то жить. К тому же я установил правило: каждая новая книга проходит мою проверку перед печатью. Все чересчур срамное или переходящее границы я отсылал на переработку...

Ань Чанцин округлил глаза:

— Выходит, ты все прочел задолго до этого?! А в Яньчжоу притворялся, будто видишь эти книжонки впервые?!

— ... — Поняв, что любое новое слово лишь усугубит его положение, Бэйчжань-ван предпочёл

умолкнуть и молча уставился на своего ванфэй.

Ань Чанцин смерил его покосившимся взглядом и, блеснув глазами, произнес:

— Я очень сердит, так что все, на что я только что согласился, больше не считается.

С этими словами он оставил его и направился в купальню. Еще минуту назад он ломал голову над неловкой просьбой мужа, а теперь проблема разрешилась сама собой! Чувствуя, что взял реванш, Ань Чанцин в прекрасном расположении духа отправился принимать ванну.

В комнате остался лишь Бэйчжань-ван — огорченный и погруженный в молчание.

На следующий день весь Ецзин уже знал, что Бэйчжань-ванфэй вернулся в столицу с двумя детьми. Происхождение малышей, разумеется, вызвало наибольшие толки. Большинство сходилось во мнении, что детей Бэйчжань-вану родила какая-то наложница, взятая им в Яньчжоу. При этом люди втайне вздыхали: Бэйчжань-ван, похоже, и впрямь явился во всеоружии.

Прежде многие сомневались, что Бэйчжань-ван сможет унаследовать престол. Во-первых, при его рождении явилось дурное знамение, из-за чего он не пользовался любовью императора Аньцина. Во-вторых, он запятнал себя страстью к мужчинам и даже взял мужчину в супруги.

Из трех проявлений несыновнего почтения отсутствие потомства — самое тяжкое. Так повелось в народе, что уж говорить о венценосной семье, где преемственность крови превыше всего.

Принц, не способный оставить наследников, не мог рассчитывать на чью-либо поддержку в борьбе за престол.

Однако Бэйчжань-ван, который некогда во всеуслышание клялся, что равнодушен к женщинам, любит мужчин и собирается прожить жизнь рука об руку исключительно с Бэйчжань-ванфэй, вдруг без лишнего шума обзавелся сыном и дочерью. Да еще и двойняшками!

Одни гадали, кем была мать детей и жива ли она до сих пор. Другие шептались о том, не разладился ли союз Бэйчжань-вана с супругом и не впал ли Бэйчжань-ванфэй в немилость. А более дальновидные уже размышляли, не пора ли попытаться наладить отношения с поместьем Бэйчжань-вана...

Во дворце же, узнавшем новости первыми, светильники горели всю ночь без перерыва. А уже наутро прибыл евнух с повелением, которое издала вдовствующая императрица: вызвать Сяо Чжигэ, его супруга и обоих младенцев во дворец.

Малышам едва исполнилось три месяца, они были еще совсем крошками. Ань Чанцин от всей души не хотел тащить их во дворец, ведь в его глазах императорская обитель мало чем отличалась от логова тигра или драконьей пасты.

Сяо Чжигэ, напротив, держался куда спокойнее.

— Не бойся, — успокоил он его. — Призвав нас в столицу с таким шумом, они не посмеют действовать в открытую и давать поводы для сплетен. Когда прибудем, просто молчи.

Поразмыслив, Ань Чанцин согласился с его доводами и немного успокоился. Велев кормилицам бережно одеть детей, они привели себя в порядок и направились во дворец.

*

Во дворце императрица Чжао восседала чуть ниже вдовствующей императрицы. С выражением затаенной злобы на лице она произнесла:

— Он и впрямь все это время притворялся! Разыгрывал перед нами спектакль, и как же досадно, что я ему поверила! Знай я раньше...

— Императрица, выбирай выражения, — прервала ее вдовствующая императрица Чжао, подняв руку. Ее прохладный взгляд скользнул по прислуге. Слуги тут же ничком опустили головы и притаили дыхание. Лишь тогда она отвела взор и, покручивая в пальцах четки из бодхи, добавила: — Узнать сейчас — тоже не поздно.

Императрица Чжао подумала, что в этом есть доля правды, но злоба все равно хлопотала в ее груди. Едва показались двое гостей, явившиеся на аудиенцию вместе с младенцами, ее взгляд вспыхнул ядом.

Ань Чанцин и Сяо Чжигэ одновременно отвесили поклон. Обе кормилицы, впервые попавшие во дворец, дрожа от страха, опустились на колени позади них с младенцами на руках.

Вдовствующая императрица Чжао свысока оглядела их. На мгновение ее взор задержался на детях, после чего она неторопливо произнесла:

— Встаньте. Подать стулья.

Дворцовые служанки принесли стулья, и гости сели. Кормилицы остались стоять за их спинами с детьми на руках.

— Знаете ли вы, зачем мы с императрицей призвали вас? — Вдовствующая императрица Чжао мгновенно сбросила кроткое выражение лица, и ее тяжелый взгляд давящим грузом лег на гостей. Она строго отчеканила: — Августейшая кровь не терпит ни смешения, ни осквернения! Чжигэ, в свое время ты во всеуслышание утверждал передо мной, что тебе не нравятся женщины и ты не способен делить с ними ложе. Откуда же взялись эти двое детей?

В прошлый свой визит во дворец Ань Чанцин не сталкивался с вдовствующей императрицей напрямую. Слушая ее суровые расспросы, он понимал: она во что бы то ни стало пытается повесить на Сяо Чжигэ вину за подмену императорской крови. Сердце Ань Чанцина тревожно сжалось.

Однако перед поездкой Сяо Чжигэ велел ему молчать, поэтому он сдержал порыв и остался неподвижен, лишь немного склонив голову.

Сидевший рядом Сяо Чжигэ подхватил полы своего одеяния, опустился на колени и серьезным тоном произнес:

— Бабушка-императрица, сжальтесь! В тот день внук лишь от отчаяния умолял вас о браке, оттого и наговорил глупостей... Но Хэн-гэ-эр и Чжу-цзе-эр — действительно мои родные дети. Если у бабушки-императрицы есть сомнения, можно призвать лекарей для проверки по крови. Они... они мои...

<http://bllate.org/book/18381/1767884>